

Обдорская православная миссия 1832–1833 гг.: неудачный опыт проповеди христианства среди обитателей тундры

Сергей Туров

Obdorskaya Orthodox mission of 1832–1833: unsuccessful experience of preaching Christianity among the inhabitants of the tundra

Sergei Turov
(Tyumen State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23060032, EDN: NRHFAG

24 декабря 1828 г. указ Святейшего Синода «Об учреждении в Тобольской и Казанской епархиях миссионеров для обращения в православие иноверцев» положил начало миссионерской деятельности на крайнем севере Зауралья (Нижнее Приобье). Считается, что это стало реакцией на рост антихристианских настроений и участвовавшие случаи отпадения от православия представителей старокрещёных народов Поволжья и Сибири¹. Исполняя синодальный указ, архиепископ Евгений (Казанцев), занимавший в 1826–1831 гг. Тобольскую кафедру, инициировал Обдорскую православную миссию, оказавшуюся одной из самых неудачных попыток христианской проповеди в Зауральской тундре. Продолжалась она всего восемь месяцев, с конца июня 1832 г. по март 1833 г. Крестились же благодаря ей всего 17 человек. Опыт оказался настолько негативным, что вновь «о погибающих во тьме язычества» аборигенах Севера вспомнили только в 1854 г., когда Синод по инициативе тобольского архиепископа Евлампия (Пятницкого) и генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда возобновил миссию в Обдорске, не прекращавшуюся уже вплоть до установления в регионе советской власти и в целом действовавшую достаточно успешно. Чем же объяснялись неудачи 1832–1833 гг.? Возглавлявший тогда миссию иеромонах Макарий (Боголепов) сетовал на сопротивление старшин, «бродячий образ жизни» и «зверский обычай» северных народов, а также неразвитость их языков «для объяснения истин христианской религии»². Историк А.И. Сулоцкий связывал возникшие трудности с «разнесшейся ещё до прибытия к ним миссионера молвой, будто их станут крестить поголовно и против воли», из-за чего жители «избегали встречи с миссионером; если же где-нибудь и доводилось им встретиться, то не хотели вступать с ними ни

© 2023 г. С.В. Туров

Статья подготовлена при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

¹ Смирнов Е.К. Очерк исторического развития и современного состояния русской православной миссии. СПб., 1904. С. 16; Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М., 2007. С. 156.

² «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия, 30-е – 80-е гг. XIX в.): источники. Тюмень, 2003. С. 57–58.

в какие разговоры, хотя бы последние вовсе не касались веры или крещения»³. Иеромонах Иринарх (Шемановский) указывал на препятствование влиятельного князя Матвея Тайшина и суровость природы края⁴. Н.А. Миненко, в целом соглашаясь с ним, обратила внимание на позицию местной администрации, опасавшейся, что действия миссионеров спровоцируют волнения населения и нанесут ущерб интересам казны⁵. Однако для понимания соотношения всех этих обстоятельств и факторов необходимо применение ретроспективного, историко-демографического и эколого-исторического методов, а также привлечение вновь выявленных источников — летописи обдорской Петропавловской (до начала XIX в. — Васильевская) церкви и её метрических книг.

Массовая христианизация Северо-Западной Сибири началась при Петре I. О поголовном крещении своих сибирских подданных царь задумался ещё в 1700 г., после смещения с Тобольской кафедры Игнатия (Римского-Корсакова). Царь повелел подобрать другого, «не только доброго, но и учёного, который, будучи митрополитом в Тобольске, мог Божиею помощью исподволь людей приводить в познание истинного Бога». В 1702 г. выбор пал на воспитанника Киево-Могилянской академии Филофея (Лещинского), настоятеля брянского Свенского монастыря и ревностного проповедника. Однако до 1710 г. в Берёзовском и Сургутском уездах ему удалось крестить всего несколько человек. В 1709 г. архиерей принял схиму (под именем Феодора) и поселился в тюменском Троицком монастыре. Между тем в 1710 г. вышел царский указ, повелевавший крестить язычников поголовно, «идолы огнем палить и рубить и капища их разорять», применяя к сопротивляющимся «казнь смертную». Инициатором данного распоряжения, противоречившего всему предшествующему законодательству, предписывавшему терпимость («ласку») к плательщикам ясака, по-видимому, являлся губернатор (и одновременно судья Сибирского приказа) кн. М.П. Гагарин. В 1711 г. он настоял на встрече со схимонахом Феодором, явно добиваясь от него активных действий. В 1712–1714 гг. старец крестил берёзовских остяков, в 1714–1715 гг. — пельымских вогулов, в 1716–1718 гг. — сургутских остяков⁶. Благодаря ему в 1714 г. в Берёзове состоялось крещение Тайши (сына обдорского князя Гынды), «нареченного Алексеем, с его женою». Тогда же «сибирский святитель» послал нескольких священников в Обдорскую заставу, а в 1717 г. лично посетил Обдорск, но успеха не имел. В 1726 г. он вновь посетил Обдорию. Однако на этот раз подстрекаемые своим крещённым князем Тайшей Гындиным аборигены «не допустили его даже сойти на берег». В итоге крестили лишь сына Тайши Василия⁷.

Вместе с тем одним из результатов миссионерской деятельности митрополита Филофея стало строительство церквей и учреждение православных приходов в инородческих волостях. По-видимому, самым северным в Нижнем При-

³ Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев) как архипастырь Тобольский // Сулоцкий А.И. Сочинения в 3 т. Т. 2. Тюмень, 2000. С. 265.

⁴ Иринарх [Шемановский И.С.] История Обдорской духовной миссии: 1854–1904 г. М., 1906. С. 7–8.

⁵ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. 267–268.

⁶ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 231–239.

⁷ Иринарх [Шемановский И.С.] Указ. соч. С. 3–4. Согласно преданию, записанному в 1880-х гг., Филофею удалось причалить к берегу в трёх верстах от Обдорской заставы, где крещение от него приняли три семьи остяков (Из истории Обдорской миссии. Источники. Тюмень, 2004. С. 175).

обье храмом в то время являлся Троицкий в Кушеватском погосте Куноватской волости⁸. Во всяком случае, в 1740 г. Г.Ф. Миллер отметил, что в «Кужеватском погосте... кроме одного священника, больше никто не живёт, так как остяки, имевшие до основания церкви здесь большую летнюю деревню, рассеялись с тех пор по другим местам»⁹. В 1742–1748 гг. священники, посланные архиепископом Антонием (Нарожницким), крестили часть остяков из окрестных юртов. Обдорский князь Василий Мурзин Тайшин принял христианство в 1742 г. в Тобольске, где его крёстным отцом стал губернатор А. Сухарев. Вместе с ним были крещены «брат его... да две ево, князца Мурзина, по их закону жены и рожденные от них детей мужска полу двое, женска трое — всего восемь человек»¹⁰. В память об этом событии князь Тайшин якобы просил построить в Обдорске храм.

Согласно летописи, «первоначально в Обдорске церковь во имя Василия Великого с приделом Николая Чудотворца заложена строиться из круглого кедрового леса в августе месяце 1746-го года по благословению митрополита Антония Тобольского и освящена 1751 года, но на чьё иждивение, неизвестно. Впрочем, по преданию от старожилков обдорских известно следующее: некто князь обдорский, будто бы Тайша, путешествовал около тех времён в С[анкт]-Петербург, где принял святое крещение, и наречён Василий по восприемнике Иванович. Вскоре по крещении новопросвещённый князь Василий помер в С[анкт]-Петербурге, откуда вскоре предписано кому следовало построить в Обдорске во имя св. Василия Великого храм на казённую сумму»¹¹. Таким образом, народная молва отправляла князя креститься не в Тобольск, а в Санкт-Петербург. Но церковь действительно возводилась и обеспечивалась иконами, книгами и другим «церковным благолепием» за счёт государства, выделившего около 100 руб. и строительные материалы¹². Прихожан, которые могли бы принять на себя соответствующие расходы, в Обдорске попросту не было: постоянное русско-зырянское население появилось там не ранее второй половины XVIII в.¹³ Жители же окрестных юртов приобщаться к христианству не спешили.

Те или иные миссионерские усилия наблюдались на Севере до конца 1780-х гг.¹⁴ Согласно преданиям, бытовавшим среди аборигенов в XIX в., чаще всего священников привозили с собой чиновники и казаки, прибывавшие из Берёзова для сбора ясака. Крестили только добровольцев, не прибегая к насилью¹⁵. В результате христианство распространилось вплоть до Обдорска. При этом православные таинства, если судить по метрическим записям, в конце XVIII в. более или менее регулярно принимали только остяки ближайших к Обдорску юртов¹⁶. К концу XVIII в. в Обдорском крае действовали два храма: в приходе Обдорской Васильевской церкви числилось 63 двора и 586 «душ

⁸ Из истории Обдорской миссии... С. 148. По другим свидетельствам, кушеватскую Троицкую церковь построили в 1730 г.

⁹ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 255.

¹⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2499, л. 1.

¹¹ Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГА в г. Тобольске), ф. 704, оп. 1, д. 17, л. 11.

¹² Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (далее — НА ТГИАМЗ), № 84, л. 2.

¹³ Туров С.В. Старожильческое население Ямало-Ненецкого автономного округа: динамика и механизмы складывания субэтнической группы // Научный вестник. 2002. Вып. 11. С. 54–55.

¹⁴ Ирринарх [Шемановский И.С.] Указ. соч. С. 4.

¹⁵ НА ТГИАМЗ, № 84, л. 2.

¹⁶ ГА в г. Тобольске, ф. 699, оп. 1, д. 3, л. 363–372.

обоего пола» (из них 9 дворов – непосредственно в «Обдорском городке», а остальные – в Собских, Вандиаских, Шурышкарских, Войкарских, Пелважских юртах), к кушеватской Троицкой церкви относились 11 дворов «Кушеватского погоста» и ещё 94 в «остяцких жилищах»¹⁷. В 1789 г. сенатский указ свернул деятельность миссионеров в империи, и вплоть до 1820-х гг. она не возобновлялась¹⁸.

Тем временем в сентябре 1825 г. псковский архиепископ Евгений (Казанцев) добился перевода в Тобольскую епархию¹⁹. В 1826 г. владыка даже, по собственному признанию, «изъявил желание, оставя лет на пять или на шесть епархию, жить с остяками, вогуличами и самоедами, учиться их языку и переводить на их язык церковные книги и научить их детей чтению и Закону Божию и всему церковному, чтобы после быть им священно- и церковнослужителями у своих земляков и научить тому же других»²⁰. Однако после переписки с «некоторыми членами Святейшего Синода» архиепископ отказался от этого замысла, ограничившись ходатайством об учреждении миссии на севере епархии²¹.

Как писал позднее архипастырь, летом 1829 г., воодушевлённый синодальным указом, он «плавал по Иртышу и Оби полтора месяца день и ночь, не приставая к берегу, кроме где отслужить или осмотреть церковь». Добравшись таким образом до Обдорска владыка констатировал, что «крещёные сибирские инородцы – плохие христьяне... Они, спустя 100 лет и более после своего крещения, не знали даже имени Господа Иисуса Христа, не знали своих христианских имён и называли святителя Николая богом русским». Впрочем, и аборигены не были рады такому гостю. Находившиеся вблизи Обдорска «ватажки» поспешно откочевали в тундру, едва услышав, что «большой поп приехал, крестить будет»²².

К тому времени в зауральской тундре знали о действиях архимандрита Вениамина (Смирнова), развернувшего с 1826 г. массовое крещение ненцев, кочевавших к западу от Уральских гор. Кампания велась им вполне в духе кн. Гагарина – языческие капища разрушались, идолов жгли, почитаемые рощи (в частности, на р. Мезени) и жертвенники уничтожались. К 1830 г. большинство семей (в том числе и сибирских ненцев), кочевавших в приуральской тундре, были крещены, а около 500–600 человек бежали за Урал²³.

В итоге уже в 1826 г. обдорские ханты и ненцы намеревались всех русских «до смерти побить» за то, «что хотят их крестить». Ненецкий старшина Пайгол говорил тобольскому губернатору Д.Н. Бантыш-Каменскому, специально прибывшему в Обдорск в начале 1827 г. для успокоения аборигенов, что «все само-

¹⁷ Зольникова Н.Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 310.

¹⁸ Лантун В.И. Религиозно-просветительская деятельность православного духовенства среди нерусских народов Поволжского края в конце XVIII – начале XIX в. // Интеграция образования. 2009. № 4. С. 71–72; Иринарх [Шемановский И.С.] Указ. соч. С. 5.

¹⁹ Дневник архиепископа Ярославского Евгения Казанцева // Душеполезное чтение. 1868. Ч. III. С. 64.

²⁰ Сведения о жизни преосвященнейшего Евгения, архиепископа Ярославского, в дополнение к его дневнику // Душеполезное чтение. 1868. Ч. III. С. 103. См. также: Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев)... С. 260–261.

²¹ Путинцев М. Тобольская епархия. Ч. 2. Отд. 1. Омск, 1892. С. 110.

²² Там же. С. 259–262.

²³ «И здесь появляется заря христианства...»... С. 49–51; Квашиин Ю.Н. «Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости...» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 94–118.

еды находятся в страхе от слухов, будто хотят их насильственно крестить». Тогда благодаря действиям администрации до открытого выступления не дошло²⁴.

Между тем, вернувшись с Севера, преосвященный Евгений направил в Синод донесение о необходимости образования в епархии двух миссий: на Алтае (и в киргизских степях) и в Берёзовском крае. Взяться за это дело вызвались трое местных священнослужителей (благочинный и два диакона), однако владыка отклонил их кандидатуры и обратился за помощью к архиереям Курской и Белгородской, Калужской и Боровской, Архангельской и Холмогорской епархий, а также в Соловецкий монастырь.

В сентябре 1829 г. в Тобольск из Глинской Богородицкой пустыни прибыл архимандрит Макарий (Глухарёв), но, будучи «хилого телосложения и плохого здоровья», возглавить Обдорскую миссию он отказался и в августе 1830 г. выехал в Бийский округ Томской губ., где прославился позднее как «апостол Алтая». В марте 1831 г. в Тобольске встретили иеромонаха Боровского Пафнутьева монастыря Макария (Боголепова)²⁵. Закончив Волинскую духовную семинарию, он в 1812 г. принял монашеский постриг и уже в 1813 г. в сане иеромонаха являлся наместником Загаецкого монастыря. Через восемь месяцев его перевели наместником в мужской первоклассный Острожский Преображенский монастырь, назначив присутствующим в Волинской консистории. Стремительная карьера оборвалась в 1820-х г.г., когда о. Макарий оказался «прикосновенным по секретному делу», по которому его признали позднее «совершенно невиновным»²⁶.

Его владыка Евгений незадолго до своего перевода в Рязань и поставил во главе Обдорской миссии. Дабы помочь начинающему миссионеру освоиться на новом месте и больше узнать о местных религиозных верованиях, архиерей подарил ему собственноручную копию с записок штаб-лекаря В.Н. Шаврова «о жителях Берёзовского уезда»²⁷. Их автор, передавший своё сочинение архиепископу в 1826 г., полагал, что самоеды вполне подготовлены для восприятия «благотворных семян просвещения»²⁸. Получил архимандрит и инструкцию, в которой, в частности, говорилось о недопустимости принуждения. Себе в помощники о. Макарий взял прибывшего с ним послушника Никиту Соловьёва²⁹ и выпускника Тобольской духовной семинарии Луку Вологодского, который, будучи уроженцем селения, находившегося в низовьях Оби, в землях остяков, знал их язык и нравы.

Из Тобольска миссионеры отбыли 17 мая 1832 г. уже при преосвященном Афанасии (Протопопове). Почти год они готовились и ожидали, когда семинарист Вологодский окончит курс и сдаст экзамен. В Берёзове им предоставили необходимые вещи и «толмача». В Обдорске миссионеры оказались 20 июня и уже 28 июня совершили первое крещение³⁰. Согласно «Ведомости

²⁴ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 294–295; Шемякин суд в XIX столетии, или ревизия Тобольской губернии. Записки Д.Н. Бантыш-Каменского. Извлечения // Русская старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 743.

²⁵ Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев)... С. 259–264.

²⁶ Квашнин Ю.Н. Указ. соч. С. 96–97.

²⁷ Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев)... С. 259–264.

²⁸ Шавров В.Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда. М., 1871. С. 18.

²⁹ Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев)... С. 264.

³⁰ Абрамов Н.А. Записки находившихся в Берёзовском округе Тобольской епархии для обращения иноверцев к христианству иеромонаха Макария и помощников его, 1832 года // Абрамов Н.А. Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 359–361.

о родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1832 год» обдорской Петропавловской церкви, в православие был обращён «Уральского хребта самоедин Пика. При крещении наречено имя Иван. 30 лет»³¹. Последний обряд состоялся 19 января 1833 г., когда крестился «Уральского хребта самоедин Хатю Мадарин. При крещении наречено имя Павел. 29-ти лет»³². Всего к Церкви присоединились 12 самоедов 17–42 лет «Уральского хребта», «Сынской волости» и «Архангельской губернии Мезенской округи» (девять мужчин и три женщины³³) и пять взрослых остяков и остячек. Большинство из них работали и жили у русских в Обдорске или в близлежащих юртах. Все они приняли христианство добровольно³⁴.

В миссионерских целях о. Макарий и его сподвижники несколько раз плавали на лодках в летние юрты князя Тайшина, за 30 вёрст от Обдорска, в Ендырские и Войкарские юрты Обдорской волости, в Мужевские и Ларгородские юрты Куноватской волости, но «ничтоже успеха». При этом они встретили ожесточённое сопротивление «инородческих старшин». Осенью 1832 г. им особенно упорно противодействовали ендырские старшины: «Довольное количество остяцких юрт проезжали мы и имели случай некоторым предлагать о христианской религии и о святом крещении, но они, по-видимому, и желали бы склониться на принятие христианской веры, однако же боятся ендырских старшин, яко главных их начальников»³⁵. Собственно, и в 1826 г. главными возмутителями спокойствия выступали остяки Ендырских юрт. Столкнулись миссионеры и с тем, что обдорский хантыйский князь Матвей Тайшин «никому не подаёт совета креститься, чрез сие немалая трудность предлежит приводить их в христианскую веру. Князь хотя крещён и дети его крещены, но он имён, данных им при крещении, не знает»³⁶. Именно по наущению Тайшина обдорские язычники «почти из рук миссионера иеромонаха Макария и его сотрудников отнимали, чуть не из купели вырывали, и тех из своих сородичей, которые сами добровольно приходили к нему для крещения»³⁷. Так Х. Мадарина пришлось провожать в храм под охраной полиции, поскольку сам он желал креститься, тогда как его родственники пытались сорвать обряд³⁸. Это выглядело достаточно странно, если учесть, что сам князь Тайшин и члены его многочисленного клана, а также многие другие ханты близлежащих к Обдорску юртов ранее охотно крестили своих детей, о чём свидетельствуют метрические записи Васильевской церкви, по крайней мере, с 1780-х гг.³⁹

Ещё удивительнее то, что восприемниками крестившихся становились не крещёные соплеменники, как это обыкновенно делалось ранее, а русские хозяева-работодатели, чиновники, клирики и члены их семей — берёзовские (Н.Я. Нечаевский, Н.Ф. Нечаевская, А. Карпов, И.Е. Краюхина, Л.Г. Раслекова, Ф.И. Сверчков, В.Н. Сверчкова, Н.А. Сергеев) и тобольские (А.П. Чичеров,

³¹ ГА в г. Тобольске, ф. 704, оп. 1, д. 23, л. 4 об.

³² Там же, д. 27, л. 4.

³³ В том числе две семьи: муж, жена и брат мужа, а также муж, жена, сын и племянник мужа.

³⁴ ГА в г. Тобольске, ф. 704, оп. 1, д. 23, л. 4 об.—5 об.; д. 27, л. 4.

³⁵ *Абрамов Н.А.* Записки находившихся в Берёзовском округе... С. 366.

³⁶ Там же. С. 361, 363, 366, 368.

³⁷ *Сулоцкий А.И.* Нечто о миссиях в Тобольской епархии // *Сулоцкий А.И.* Сочинения в 3 т. Т. 2. С. 432.

³⁸ «И здесь появляется заря христианства...»... С. 57.

³⁹ ГА в г. Тобольске, ф. 699, оп. 1, д. 3.

Д.В. Булыгин, М.А. Мамеева, М.Н. Мамеева) мещане, «обдорский отдельный заседатель» И.И. Решиков, его жена М.С. Решикова и дочь Е.И. Решикова, «переводчик инородческого языка казак» И.П. Палтырев, «переводчик инородческого разговора, казак» И.И. Роев, «отставной коллежский регистратор» Я.В. Лапотников, «находящийся при миссии» Соловьёв, «помощник миссионера Макария» Вологодский, «обдорской церкви дьячок» Е. Карпов, «обдорской Петропавловской церкви причетник» А.П. Карпов, «вдова священническая» В.С. Карпова, «обдорского священника дочь» Н.Н. Карпова, «обдорского священника Николая Карпова дочь-девица» Анастасия, «обдорского дьячка Алексея Карпова дочь-девица» Аграфена. Также среди восприемников упомянут некий М.И. Давидов. Лишь при крещении «Пашерцовых юрт остоятки, девки Евы, при крещении наречено имя Анисья», восприемницей стала соплеменница, «обдорская остоятка, девка Орина Чачилева»⁴⁰. Вообще обдорские жители, местное духовенство и администрация оказывали миссионерам действенную помощь — склоняли аборигенов к обращению в христианство, предоставляли лодки для экспедиций. Особенно тепло о. Макарий отзывался в своём отчёте в консисторию о церковном старосте Д.В. Булыгине, «человеке добром и благонадёжном»⁴¹. Тем не менее результаты проповеди остались более чем скромными.

Это, очевидно, стало следствием «чрезвычайного озлобления инородцев», в основе которого лежали, скорее всего, не духовные, а материальные причины — насколько, конечно, возможно отделить духовное от материального в традиционной культуре. В 1827 г. Бантыш-Каменский обнаружил в Обдорске не только страх перед ожидавшимся принуждением к смене веры, но и жалобы на непосильное налогообложение, и «раздоры из-за кочевий в тундре»⁴², вызванные кризисом ненецкого крупнотабунного оленеводческого хозяйства. В последней трети XVIII в. на севере Евразии стало заметно теплее, начиналась восходящая фаза Малого ледникового периода⁴³, а тундровый олень плохо приспособлен к высоким летним температурам. В сухое жаркое лето в тундре много кровососущих насекомых, плохо проходит гон. В результате возрастает смертность оленей в зимние и весенние месяцы, рождается слабый приплод. Кроме того, потепление не лучшим образом сказалось на кормовой базе оленеводства. В мягкую зиму часто случаются оттепели, чреватые гололедицами или образованием плотного наста. В этих условиях оленям сложнее добывать корм. В жаркую засушливую летнюю погоду плохо растёт ягель, который к тому же истребляют ландшафтные пожары, на восстановление же ягельников в тундре уходят десятилетия. В силу всех этих факторов резко возрастает заболеваемость оленей. В 1830–1840-х гг. практически непрерывные эпизоотии сибирской язвы изрядно проредили стада домашних оленей по обе стороны Полярного Урала. Особенно сильные падежи имели место в начале 1830-х и в середине 1840-х гг.⁴⁴ Не лучшим образом сказалось потепление и на здоровье людей. С 1816 г. в Нижнем Приобье среди аборигенов свирепствовала эпидемия сифилиса. Во время посещения Обдорска в начале 1827 г. Бантыш-Каменский, учитывая размеры

⁴⁰ Там же, ф. 704, оп. 1, д. 23, л. 4 об.—5 об.; д. 27, л. 4.

⁴¹ Абрамов Н.А. Записки находившихся в Берёзовском округе... С. 359–371.

⁴² Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Берёзовском крае Тобольской губернии (1832–1910 гг.) // Шемановский И.С. Избранные труды. М., 2005. С. 184–185.

⁴³ Жеребцов И.Л. Изменение климата и демографическая история Европейского севера // Российские и славянские исследования. Вып. 5. Минск, 2010. С. 4–5.

⁴⁴ Крутник И.И. Арктическая экология. М., 1989. С. 140, 150–151.

бедствия, распорядился командировать на север врачей и присылать лекарства⁴⁵. Однако положение не менялось. В 1833 г. о «господствующей между остяками» Берёзовского уезда эпидемии докладывал новый тобольский губернатор А.Н. Муравьёв. Правда, сифилис на поверку оказался мнимым: как выяснил по поручению губернатора доктор Рожер, северяне болели некоей заразной «северной проказой», не имевшей причиной «любоострастие»⁴⁶.

В результате участились не только «раздоры из-за угодий», но и попытки миграции и захвата сопредельных территорий. Так, потепление первоначально оживило хозяйственную деятельность в Северном Приуралье, в подзоне северной тайги⁴⁷. Не случайно у коми-ижемцев на Печоре в то время наблюдался рост населения. В 1829–1855 гг. число жителей Ижемской и Усть-Целемской волостей увеличилось в 2,2 раза⁴⁸. Но прокормить себя они могли только при переходе к крупнотабунному оленеводству, позаимствованному у ненцев во второй половине XVIII в.⁴⁹ Оно же способствовало миграции в крайние северные и северо-восточные районы Коми края, в Нижнее Приобье и на Кольский полуостров⁵⁰. Таким образом зыряне-олeneводы появились в тундре, где их никто не ждал, особенно в условиях меняющегося климата. Первая волна коми-ижемцев достигла Нижней Оби, как только наметился восходящий цикл Малого ледникового периода – в 1770-е гг. население Обдорска увеличилось вдвое, с пяти до девяти дворов⁵¹. В начале XIX в. ижемцы-олeneводы уже кочевали в Зауральской тундре⁵². О постоянном присутствии там ижемцев свидетельствует большое количество записей коми фамилий в метрических книгах церкви Берёзовского края с конца 1830-х гг.⁵³

На рубеже XVIII–XIX вв. на новой территории в Приуралье попытался утвердиться род зауральских ненцев яптиков. При этом они явно собирались не просто ограбить соплеменников, но именно захватить земли, вытеснив их обитателей. Мигранты везли с собой женщин и детей. Вопреки традиции, европейские ненцы пасли оленей на девственных и поэтому тучных угодьях священного для аборигенов о. Вайгач, что ранее разрешалось только паломникам. Жители острова отбились от пришельцев так, как отбиваются от смертельного врага, уничтожив всех, включая женщин и детей. Задачу облегчало то, что захватчики явились с луками и копьями, а у местных имелось огнестрельное оружие⁵⁴.

⁴⁵ Шемякин суд в XIX столетии... С. 744.

⁴⁶ Бочанова Т.А. Декабрист А.Н. Муравьёв и коренное население Обского Севера // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 13.

⁴⁷ Жеребцов И.Л. Изменение климата... С. 65.

⁴⁸ Конаков Н.Д., Котов О.В. Ижемцы в Мурманском Заполярье // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 52.

⁴⁹ Истомин К.В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004. С. 25.

⁵⁰ Жеребцов И.Л. Изменение климата... С. 72; Истомин М. Ижма // Архангельский сборник, или Материалы для подробного описания Архангельской губернии. Ч. 1. Кн. 2. Архангельск, 1865. С. 135.

⁵¹ Перевалова Е.В. Ямал в Российской империи // Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард; СПб., 2000. С. 345; Зольникова Н.Д. Ведомость 1781 г. ... С. 310.

⁵² Повод Н.А. Оленеводство коми-ижемцев Северного Зауралья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 224–225.

⁵³ Там же. С. 224.

⁵⁴ Вайгач. Хебида-Я. Налево от Края Земли. Архивные фотоматериалы 1930–1940-х гг. Этнографическое собрание М.С. Сеницына. М., 2021. С. 30.

Не лучше складывались дела у ненцев и за Уралом. Многие остались без оленей и, чтобы выжить, занялись грабежом. С конца 1820-х гг. в Низовой стороне (надымско-тазовской тундре) действовала ватага грабителей под предводительством Ваули Пиеттомина. Схваченные соплеменниками и переданные властям в феврале 1839 г., Ваули и его сообщники признались, «что они... быв вынуждены бедностью, единственно для собственного пропитания, точно обкрадывали и грабили самоедов и остяков, но никого не убивали». Как отмечалось в решении губернского суда, «делали они воровства и грабежи для того, чтоб им и другим бедным самоедам не лишиться жизни при неулове зверя». Меха песца действительно являлся главным предметом обмена, позволявшим тундровику получить необходимые продукты и предметы обихода. Характерно, что соплеменники относились к безвыходному положению разбойничавшей бедноты с пониманием. «Проступки их, — говорилось в решении суда, — были в продолжение 10 лет терпимы, и общество желает токмо удалить их от себя»⁵⁵. В итоге Ваули и его ближайшего пособника Магари Войтина выпороли и отпустили. Однако вскоре Ваули вновь объявился в надымско-тазовской тундре во главе внушительной ватаги грабителей, достигавшей 400 человек. В январе 1841 г. его при попытке сместить князя Тайшина, управлявшего инородцами Обдорского края, вновь схватили. На допросе выяснилось, что преступники «намерены были ночью напасть на Обдорск, зажечь церковь и идти по домам колоть русских и, разграбив их, удалиться за реки Таз и Енисей»⁵⁶. После ареста Ваули сменивший его Пани Ходин продолжал угонять оленей с новой «разбойной бандой». Свой лагерь он разбил непосредственно на границе Берёзовского и Туруханского округов у р. Таз, видимо, готовясь к броску на Енисей. Во всяком случае, именно туда впоследствии ушла часть его разгромленной шайки. В 1849 или 1850 г. у озера Туручедо мигранты-самоеды столкнулись с энцами⁵⁷.

Следует учесть, что изменение природных условий осложнило ведение традиционного хозяйства не только в тундре, но и в таёжной зоне Нижнего Приобья. В 1810–1830-х гг. на всём севере Евразии наблюдалось катастрофическое падение численности лосей. В 1826 г. низовья Оби охватили лесные пожары⁵⁸. В результате в 1825–1826 гг. инородцев Берёзовского и Пелымского уездов по распоряжению Бантыш-Каменского усиленно снабжали хлебом. Одновременно губернатор «принял деятельные меры... к искоренению языческого суеверия, так как во многих деревнях ещё владычествовало идолопоклонство»⁵⁹. Заметно активизировалось оно и в зауральской тундре. Ваули и Пани Ходин слыли среди тундровиков «сильными шаманами» и «по их понятиям святыми людьми», часто их просто боялись послушаться⁶⁰. Собственно и в европейской тундре архимандрит Вениамин (Смирнов) приступил к уничтожению «идольских капищ» лишь после того, как обнаружил, что «самоеды упорно отказывались не только креститься, но и наотрез отказались даже

⁵⁵ Цит. по: *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 157.

⁵⁶ *Абрамов Н.А.* Описание Берёзовского края // Записки Русского географического общества. Кн. 12. СПб., 1857. С. 357.

⁵⁷ *Головнев А.В.* Говорящие культуры... С. 163.

⁵⁸ *Крупник И.И.* Арктическая экология. С. 130, 132.

⁵⁹ Шемякин суд в XIX столетии... С. 743.

⁶⁰ *Головнев А.В.* Говорящие культуры... С. 162–163.

слушать проповедь»⁶¹. При этом они признавались, что боятся своих богов и шаманов⁶².

Подобная обстановка не могла не отражаться на положении миссионеров в начале 1830-х гг. Особые надежды они возлагали на Обдорскую ярмарку, проходившую с 25 декабря 1832 г. по 20 января 1833 г., когда обитатели тундры съезжались для торга и сдачи ясака. Однако, поскольку в крае бродили слухи о предстоящем принудительном крещении, многие из них могли не явиться в Обдорск, а это грозило казне ощутимым убытком. Муравьёв убедился в этом, лично посетив Обдорское селение зимой 1833 г. Вернувшись в Тобольск, он сообщил в Главное управление Западной Сибири: «Сколько я не старался раз-уверить их от закоренелой мысли, что и здесь так же будут крестить насильно (как в Архангельской губ. — С.Т.), они, видя прибывшего в Обдорск в июле месяце 1832 года миссионера иеромонаха Макария (который, впрочем, никого насильно не крестил), ещё совершенно на сей счёт не успокоились»⁶³. Поэтому губернатор рекомендовал свернуть миссию и вместо неё «привлечь к учёбе в семинарии способных детей из числа коренного населения, а затем использовать их для распространения нравственности христианской и для занятия должностей по внутреннему их управлению»⁶⁴.

Со своей стороны, о. Макарий также просил архиерея отозвать миссию, ссылаясь на то, что «отправившиеся благовествовать с одним посохом в руках, миссионеры признали себя бессильными»⁶⁵. В итоге, благодаря усилиям губернатора и Главного управления Западной Сибири, их отозвали в Тобольск, куда они прибыли в марте 1833 г.⁶⁶

Юридически Обдорская миссия прекратила своё существование в 1836 г. Тогда же центр возобновлённой Северной миссии перенесли в Козинский Троицкий монастырь на р. Оби. Теперь она отстояла от мест обитания язычников на тысячи вёрст, поскольку к тому времени Кодский край был заселён старокрещёными аборигенами тайги⁶⁷. Более того, миссионерам дозволялось совершать обряды только после соответствующего разрешения из Берёзова, а в 1839 г. владыка Афанасий, «вероятно, вследствие полученных сведений о волнениях между самоедами» и, скорее всего, под давлением светских властей и вовсе распорядился, чтобы инородцев крестил исключительно глава Берёзовского духовного правления. При этом до Берёзова им следовало добираться за свой счёт⁶⁸. Понятно, что в такой ситуации число обитателей отдалённых юртов, принимавших крещение, стремилось к нулю. В середине 1840-х гг. обстановка на Севере постепенно нормализовалась, и в 1845 г. даже сняли «жандармское наблюдение на ярмарке в крепостце Обдорской»⁶⁹. Природа и традиционная хозяйственная структура вновь пришли в состояние

⁶¹ Цит. по: *Корниенко В.* Из истории ненцев Северного края // Исторический журнал. 1938. № 10. С. 79.

⁶² Там же.

⁶³ РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 191, л. 10.

⁶⁴ Цит. по: *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь... С. 267–268.

⁶⁵ *Шемановский И.С.* Избранные труды. С. 7.

⁶⁶ *Абрамов Н.А.* Записки находившихся в Берёзовском округе... С. 369–370; *Василий (Бирюков), еп.* По поводу «Истории Обдорской миссии» (1854–1904 гг.) // Православный благовестник. 1906. № 6. С. 252–253.

⁶⁷ ПСЗ-II. Т. 11. Отд. 1. СПб., 1837. № 9269.

⁶⁸ *Иринарх [Шемановский И.С.]* Указ. соч. С. 8–9.

⁶⁹ ГА РФ, ф. 109, оп. 190, д. 126.

равновесия в изменившемся климате: «Новым для тундровых экосистем стал особый тип динамики популяций домашних животных, характерный для всех типов кочевого экстенсивного скотоводства: с более высокой плодовитостью, повышенной плотностью выпаса и концентрации поголовья, очень резкими снижениями численности в годы массовых падежей и эпизоотии и быстрыми восстановлениями до некоторого “предельного” уровня»⁷⁰.

Судьбы первых обдорских миссионеров сложились по-разному. По возвращении в Тобольск о. Макарий, сославшись на слабое здоровье, отказался от продолжения миссионерского служения и получил место настоятеля в тобольском Ивановском Междугорском монастыре. Лука Вологодский после короткого отдыха в 1835 г. вновь отправился в Обдорск, став приходским священником⁷¹. В Синоде решили оставить там пастыря, который «назидательною жизнью и обращением старался бы привлечь к себе инородцев, и хотя немногих из них, кои окажут свободное и искреннее расположение, сподоблять св[ятого] крещения, приготавливая тем путь к будущему просвещению сего племени»⁷². Казалось, для этого трудно было подыскать кого-либо лучше Луки Вологодского – «живого, деятельного человека, хорошо знавшего остяцкий язык». Однако, прослужив в обдорской Петропавловской церкви всего два года⁷³, он смог обратить в православие только трёх человек. Это были «тобольские захребетные татары Байкаловской волости Акманайских юрт», каким-то образом попавшие в Обдорск. Священник Л. Вологодский и пономарь Н. Карпов «молили и крестили» их «из магометанского исповедания» 14 декабря 1835 г. Восприимниками стали берёзовские мещане Н.Я. Нечаевский, И. Краюхина, Г.Н. Нечаевская, тобольский мещанин Д. Булыгин, жена священника Л. Вологодского Алефтина Николаевна и обдорский отдельный заседатель Зубков⁷⁴.

Этим и закончилась история Обдорской миссии 1832–1833 гг. Её неудача была связана с комплексом обстоятельств – суровым климатом и необустроенностью края, жёстким сопротивлением аборигенов и осторожностью губернских и западносибирских властей. Вероятно, не последнюю роль играли и личные качества миссионеров. Ведь, столкнувшись с теми же проблемами, архимандрит Вениамин (Смирнов) всё же крестил «обоего пола 3303 души», т.е. значительную часть коренных жителей европейской тундры⁷⁵. Однако следует учитывать, что деятельность миссии пришлась на время климатического перехода, известного как восходящая фаза Малого ледникового периода. Вызванная потеплением перестройка природных систем в тундре нарушила традиционную хозяйственную и социальную структуру на крайнем севере Приуралья и Зауралья, а кризис традиционного жизненного уклада привёл к актуализации традиционных верований. Это чрезвычайно затрудняло проповедь христианства и порождало конфликты, которых не возникало в условиях равновесия общества и природной среды.

⁷⁰ Крупник И.И. Арктическая экология. С. 50.

⁷¹ Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев)... С. 264–265.

⁷² ПСЗ-П. Т. 11. Отд. 1. № 9269.

⁷³ ГА в г. Тобольске, ф. 704, оп. 1, д. 17, л. 23 об.

⁷⁴ Там же, д. 33, л. 4 об.

⁷⁵ Базанов А.Г., Казанский Н.Р. Миссионеры и миссионерские школы на Архангельском Севере. Архангельск, 1936. С. 27–28.